

УДК 32.019.5; 327

Ширинянец А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
19991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Российская Федерация

Сорокопудова О. Е.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
19991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

«РУССКИЙ ВОПРОС»: ФРАНЦУЗСКАЯ РУСОФОБИЯ В XIX ВЕКЕ (II)

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть историческое формирование негативного образа России и русских во Франции XIX в. на примерах сочинений Ш.-Л. Лезюра, Ж.-Б. Мея, Ф. Лакруа, Г. де Бомона, А. Мартена и др.

Процедура и методы. Основными методами исследования, помимо общенаучного методологического аппарата, стали контент-анализ и политико-текстологический анализ.

Результаты. На основе изучения литературных, исторических, публицистических произведений, созданных во Франции в XIX в., было показано, как происходили обусловленные во многом политическими причинами формирование и фиксация в общественном мнении негативного восприятия России и русских людей. Периоды политического и культурного сотрудничества сменялись периодами обострения борьбы за национальные интересы, что приводило к актуализации антирусского дискурса в Европе. Причём несмотря на то, что речь идёт о XIX в., при обсуждении «русского вопроса» зачастую использовались такие аргументы, как «дикость», «варварство» и «недоразвитость» русского народа. Политически и конъюнктурно мотивированные работы, направленные на очернение образа России и русских, формировали в массовом сознании однозначный образ русской «угрозы». Негативное восприятие всего, что было связано с Россией, базировалось на двух чувствах, последовательно вызываемых во французском обществе в соответствии с логикой политического и экономического противостояния – страхе и презрении. Вызванное прагматическими политическими причинами закрепление в европейском общественном мнении образа «варварской» и деспотичной России, населённой дикими «рабами», привело в результате к возникновению феномена русофобии.

Теоретическая и практическая значимость заключается в рассмотрении идейных оснований негативного образа России и русских в произведениях французских авторов XIX в., что позволяет выявить: во-первых, взаимосвязь появления и развития стереотипов, клише в оценке России и русского народа с историческим и политическим контекстом их формирования; во-вторых, проследить общую линию и логику развития антирусского дискурса в западной Европе. По исследуемой теме обобщён новый материал, в научный оборот введены ранее не переведенные на русский язык произведения французских авторов XIX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

общественное мнение, образ врага, политический памфлет, русский вопрос, русофобия, Франция XIX в.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук» (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

СТРУКТУРА

Введение

Всплески французской русофобии в XIX в. Всплеск первый

Всплеск второй

Всплеск третий

Заключение

A. Shirinyants

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory 1, Moscow 19991, Russian Federation

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

ul. Krzhizhanovskogo 24/35, k. 5, Moscow 117218, Russian Federation

O. Sorokopudova

Lomonosov Moscow State University

Leninskie gory 1, Moscow 19991, Russian Federation

“THE RUSSIAN QUESTION”: FRENCH RUSSOPHOBIA IN THE XIX CENTURY (II)

ABSTRACT

Aim. To show the historical formation of the negative image of Russia and Russians in France of the XIX century on the examples of the works of C.-L. Lesur, J.B. May, F. Lacroix, G. de Beaumont, A. Martin et al.

Methodology. In addition to the general scientific methodological apparatus, the main research methods were content analysis and political-textual analysis.

Results. Based on the study of literary, historical and journalistic works created in France in the XIX century, it was shown how the formation and fixation of negative perceptions of Russia and Russian people, largely due to political reasons, took place in public opinion. Periods of political and cultural cooperation were replaced by periods of aggravation of the struggle for national interests, which led to the actualization of anti-Russian discourse in Europe. Despite the fact that we are talking about the XIX century in our discussion of “Russian question”, arguments such as “savagery”, “barbarism” and “underdevelopment” of the Russian people were often used. Politically and opportunistically motivated works aimed at diminishing the image of Russia and Russians formed an unambiguous image of the Russian “threat” in the mass consciousness. The negative perception of everything connected with Russia was based on two feelings which were consistently being evoked in the French society in accordance with the logic of political and economic confrontation – fear and contempt. Caused by pragmatic political reasons, the consolidation in European

public opinion of the image of a “barbaric” and despotic Russia inhabited by wild “slaves”, resulted in the emergence of the phenomenon of Russophobia.

Research implications. Analysis of the ideological foundations of the negative image of Russia and Russians in the works of French authors of the XIX century allows us to identify, firstly, the relationship between the emergence and development of stereotypes and clichés in the assessment of Russia and the Russian people with the historical and political context of their formation, and, secondly, to trace the general line and logic of the development of anti-Russian discourse in Western Europe. New material has been generalized on the topic under study, works of French authors of the XIX century that had not been translated into Russian before have been introduced into scientific circulation.

KEYWORDS

public opinion, image of the enemy, political pamphlet, Russian question, Russophobia, France of the XIX century

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (project “Modern concepts of social consent: actual problems of political theory and practice”, registration number in the USISU R&D 1022061600085-5-5.6.1) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2014 г. по итогам работы над большим проектом «Русский вопрос в истории политики и мысли» нами была подготовлена и опубликована в журнале «Вестник Московского государственного областного университета» статья «“Русский вопрос”: французская русофобия в XIX веке» [12], в которой мы предприняли попытку показать историческое формирование образа России и русских во Франции XIX в. на примерах сочинений А. де Кюстина, Ж. Мишле, Э. Кердурю, Г. Доре и других. В статье обосновывался вывод о том, что даже на этих немногочисленных примерах «можно проследить, как неприязненное отношение, обусловленное во многом политическими причинами, оформлялось и фиксировалось в литературных, исторических, публицистических произведениях ... Написанные на злобу дня, очерняющие облик России и русского народа работы воспринимались обывателями как достоверное изложение фактов, закрепляя в сознании европейцев образ опасного русского “врага”» [12]. Мы отмечали также, что российско-французские отношения в XIX в. были непростыми, периоды мирного взаимодействия сменялись периодами политического напряжения; восприятие России зависело от этих процессов, приводивших к всплескам русофобии. Продолжая начатую работу, в этой статье мы рассматриваем происхождение и развитие антироссийских стереотипов, а также клише, которые, появившись много лет назад, продолжают играть свою роль в общественном сознании современной Европы. На этот раз в центре нашего внимания окажутся со-

чинения Ш.-Л. Лезюра, Ж.-Б. Мея, Ф. Лакруа, Г. де Бомона, А. Мартена и «примкнувшего» к ним поляка М. Сокольницкого.

ВСПЛЕСКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РУСОФОБИИ В XIX В. ВСПЛЕСК ПЕРВЫЙ

Как известно, Франция стала исторически первой страной, в которой случился всплеск русофобии в XIX в. Этот всплеск, как и два последующих, был порождён «большой политикой», требующей от французов негативного отношения к врагу, каковым в периоды международной напряжённости становился «русский медведь».

В начале XIX в. Наполеон, рвущийся к европейскому и мировому господству, столкнулся в своих амбициях с Российской империей, которая в союзе с Британской империей представляла основную и главную угрозу Франции. Антирусский вектор потребовал соответствующей подготовки общественного мнения. И тут, как нельзя кстати, на свет появился некий документ, который прямо свидетельствовал о том, что Россия вела экспансионистскую политику и лелеяла планы европейского господства со времён Петра I. Речь идёт о геополитическом плане императора Петра I, который он якобы оставил своим преемникам. Этот документ чудесным образом был скопирован в секретных царских архивах (так называемое **"Завещание Петра Великого"**) и попал во Францию ещё в XVIII в., но пригодился только в 1812 г. Конечно же, это была фальсификация, об авторстве которой до сих пор идут дискуссии¹. Многочисленные исследователи этого документа сходятся во мнении, что в его основу положена исторически реальная, но превратно истолкованная внешняя политика России XVIII в. Его автор не был знатоком международных отношений петровской эпохи, из-за чего в тексте имеется целый ряд ошибок и нелепостей [1, с. 416–417]. Однако автор уловил многие тенденции русской политики и связал их с Петром I, руководствуясь выработанным в XVIII в. стереотипом: Россия – творение Петра I.

Экспансионистская риторика этого якобы петровского плана – «поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны», «выждать удобное для нападения время», «пользоваться миром для войны и войной для мира, в интересах расширения пределов и возрастающего благоденствия России», «вмешиваться в дела и распри Европы», «разделять Польшу», стремиться покорить Швецию, «неустанно расширять свои пределы к северу и к югу, вдоль Чёрного моря», «возможно ближе придвигаться к Константинополю и Индии» и т. д. – сопровождается вполне макиавеллиевскими призывами «в супруги к русским великим князьям всегда избирать германских принцесс», «установить и старательно поддерживать союз с Австрией, поощрять для виду её замыслы о будущем господстве над Германией», «заинтересовать

¹ Об обстоятельствах появления этого документа и об авторстве см.: [2; 11; 12].

Австрийский дом в изгнании турок из Европы, а по овладении Константинополем нейтрализовать его зависть» и т. п. Всё это венчается проектом раздела мира: «Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана, армии соединены, Чёрное и Балтийское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежит под великою тайною предложить сперва Версальскому двору, а потом и Венскому разделить власть над вселенной. Если который-либо из них, обольщаемый честолюбием и самолюбием, примет это предложение – что неминуемо и случится, – то употребить его на погибель другого, а потом уничтожить и уцелевшего, начав с ним борьбу, в исходе которой уже нельзя сомневаться, ибо Россия в то время уже будет обладать всем Востоком и большей частью Европы ... Если, паче чаяния, тот и другой откажутся от предложения России, то надлежит искусно возжечь между ними распрю и истощить их во взаимной борьбе ... и когда обе эти страны будут побеждены, то остальная Европа уже легко и без всякого сопротивления подпадёт под (наше) иго. Так можно и должно покорить Европу» [7, с. 211–214].

Мешая правду с вымыслом, неизвестный автор этого текста завершал создание нового стереотипа «русской опасности», который стыковался в сознании европейцев со старым стереотипом «русского варварства» [4].

В «документе» отчётливо просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Неслучайно, по одной из версий, эта фальшивка обязана своим появлением на свет польскому генералу **Михалу Соколыницкому** (1760–1816). Он верой и правдой служил Наполеону. В 1811 г. Наполеон поручил Соколыницкому подготовить доклад о военной кампании против России. Используя свои ранние наработки, Соколыницкий к 10 февраля 1812 г. составил текст, известный под названием «О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому – и от влияния Англии». В первом из одиннадцати рапортов, составивших этот документ, Соколыницкий представил «Изложение мотивов с последующим изложением общих соображений по поводу европейской политики России и Англии».

Для Соколыницкого империя Наполеона – это «Империя Света», а Российская империя – «Империя Тьмы», естественной границей между которыми должны быть река Волга и Кавказский хребет. «Империя Тьмы» – это «ужасающий колосс», «империя людей, потерявших положение и репутацию», претендовавшая, однако, на то, чтобы подчинить европейские страны. Все страдания и раздоры, которые испытал мир в последние сто лет – следствие экспансионистской политики Российской империи в Европе, её натиска с целью «подчинить континент системе эксклюзивной монополии, без которой она не может не то что процветать, но даже содержать себя». Пытаясь повысить градус аргументации, Соколыницкий живописует «ужасающий альянс России и Англии», который разрушает европейский мир, утверждая, что все достижения России, её военная сила зиждутся на английском золоте. И это-

му натиску, как считает Сокольницкий, никто не может противостоять, кроме «Великого Наполеона» – «Героя», «Геракла», «Избавителя», армия которого призвана уничтожить Российскую империю.

Пытаясь убедить французского императора в необходимости уничтожения «русского колосса», Сокольницкий использует всевозможные приёмы манипуляции, включая лесть, фальсификации и искажение информации. Так, чтобы сформировать негативный образ России и русских, Сокольницкий как раз и ссылается на план создания великой России, «завещанный Петром I своим потомкам» [7, с. 214–217], а также на некую «рукопись» И. Лефорта (в этой рукописи имеются скабрёзные приписки-добавления, якобы сделанные рукой Екатерины I, которая, как известно, была неграмотной). Большую часть первого доклада Сокольницкого составляет его вымышленный диалог с русским генералом, который выставлен амбициозным глупцом. В пользу «фантазийного» характера этого диалога свидетельствует ряд пассажей русского генерала, противоречащих историческим фактам: например, о «братьях-норманнах», уничтоживших империю Карла Великого, о гуннах, якобы взявших Рим, наконец, его глупейшее заявление о том, что, завоевав сердца парижанок, сделав их своими любовницами, русские получают от них все секреты правительства и покорят Францию².

Цель доклада Сокольницкого проста – подвигнуть французского императора к «решительной победоносной войне», чтобы «привести русских в чувство», а Россию «подчинить общим интересам», отодвинув её европейские границы до «естественных пределов» – Волги и Кавказа. К этому нужно добавить объяснение главного мотива Сокольницкого – восстановление польской государственности. Как отмечает публикатор русскоязычного перевода его рукописи О. А. Яновский, «упование на то, что кампания 1812 г. должна завершиться “уничтожением Российской империи” (как и английской), подкреплено идеей о защите “независимости и безопасности европейских государств” путём восстановления Польши в “её этнических границах”. Сокольницкий тщится начертать для Наполеона такой план, который позволил бы достичь главного – возродить Великую Польшу. Ради этого автор готов жертвовать всем, заявляя, что из-за мести “за свою поруганную Родину” он готов сложить свою жизнь “в проломе кремлёвской стены”»³.

² Сокольницкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» / сост., предисл., примеч. О. Я. Яновского; пер. с фр. В. А. Яновского. Минск: Белорусский государственный университет, 2003. С. 16–27.

³ Яновский О. А. Предисловие // Сокольницкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...». Минск: Белорусский государственный университет, 2003. С. 4.

Чаще всего широкое распространение содержания «плана» Петра I и идеи необходимости противодействия экспансионистским устремлениям варварской России во французском общественном мнении связывают с **Шарлем-Луи Лезюром** (1770–1849). Лезюр – французский литератор, драматург, автор нескольких пьес, дипломат талейрановской школы. Несмотря на то, что Лезюр никогда не был в России и не знал русского языка, он посвятил ей два объёмных произведения: «Об усилении русской мощи: От истоков до начала XIX века» (1812) и «Историю казаков» в 2 томах (1814). Существует версия, что обе работы написаны по личному поручению Наполеона. Оба текста представляют собой тенденциозную компиляцию из разных западноевропейских источников по истории и географии России, публицистики, мемуаров, записок путешественников, откровенных фальсификаций и т. п., объединённых общим критическим отношением к истории, народу и политике России.

Вероятнее всего, работа «Об усилении русской мощи...», изданная анонимно в 1812 г., стала ответом на заключение в 1805 г. Петербургского союзного договора с Великобританией, заложившего основы Третьей антинаполеоновской коалиции, т. к., по некоторым сведениям, работу над текстом Лезюр начал ещё в 1807 г., когда стало очевидным неизбежное столкновение Франции и России и возникла необходимость подготовить к этому французское общественное мнение.

В соответствии со сложившейся во Франции XVIII в. традицией восприятия России русский народ представлялся как «азиатский», дикий и варварский, чуждый цивилизации. Несмотря на всё большее сближение и нарастающее взаимодействие между Францией и Россией, русскому народу отказывали в возможности самостоятельного развития и в лучшем случае считали, что он способен воспринимать европейские ценности лишь поверхностно, оставаясь периферией цивилизованного мира. Внешняя политика России в конце XVIII в. (в частности, после польского восстания Т. Костюшко 1794 г.) способствовала тому, что образ России во Франции трансформировался в образ общего «врага-варвара» цивилизованной Европы. Лезюр в своей книге отразил и усилил эти тенденции восприятия России, трактуя в исключительно русофобской манере историю, политику и характер русского народа. Главной целью книги было убедить читателей в том, что вторжение Франции в Россию – это и есть защита цивилизованного мира от дикарей и варваров. По сути, книга «Об усилении русской мощи...» представляет собой типичный в контексте надвигающейся войны с Россией 1812 г. пропагандистский памфлет. Образ врага конструируется с помощью фальсифицированных документов и негативных клише о захватнической политике России и варварском характере русского народа, что он и пытается аргументировать, ссылаясь на существование секретных мемуаров («Завещания»), якобы написанных лич-

но Петром I, и приводит «резюме» его плана по завоеванию Европы [11, с. 230 и след.⁴].

Работа Лезюра разделена на двенадцать глав, последовательно описывающих историю русского государства от возникновения Руси до начала XIX в. и содержит приложение с таблицами (статистика численности населения, доходов империи, положение русской армии и т. д.), которые призваны придать тексту видимость научного исследования. История России рисуется самыми мрачными красками – жестокие и одержимые экспансией правители, невежественный и порочный народ, состоящий из рабов, дикие и варварские обычаи и нравы, суровый и тлетворный климат. Даже достоинства русских людей Лезюр объясняет их недостатками (отвага – следствие рабского положения, гостеприимство проистекает из гордыни, любезность имеет глубинную причину взаимного страха и т. п.). Почти пятисотстраничное изложение русской истории служит обоснованию главного вывода – экспансионизм Российского государства заложен в самом «духе» русской нации, которая всегда будет стремиться к господству и неспособна к полноценной цивилизации, а значит, представляет прямую угрозу для всей Европы: «... можно было наблюдать в развитии русской державы полную аналогию с духом её народа. Россия появляется в Европе сразу с намерением доминировать там», «варварство русских сделало их опасными для спокойствия Европы», русское государство, «находясь в наиболее благоприятном положении, чтобы быть завоевателем, опираясь на огромные территории Севера и Востока, масштабы, богатство и население которых мы не можем оценить по достоинству, в течение последнего столетия оно вело только наступательные войны» [15, р. 461, 464, 459] и т. д. Тогда как Франция представляется бескорыстной защитницей интересов и блага цивилизованного человечества, которая стремится объединить всех «как отец семейства» [15, р. 468].

Опубликованная в 1812 г. книга Лезюра не вызвала ажиотажа у читающей публики, поскольку к этому моменту наполеоновская армия уже отступала от Москвы. Однако смысл и цели этой работы очевидны – маскирующийся под научное сочинение русофобский памфлет должен был создать в европейском общественном мнении образ страшной российской угрозы, защитить от которой цивилизованный мир была призвана просвещённая Франция.

Если Лезюр издал свою книгу анонимно, то автор следующего сочинения, о котором пойдёт речь, скрыл своё настоящее имя. В марте 1830 г. в Париже в печатне знаменитого республиканца Луи Огюстена Ми увидели свет

⁴ В. П. Трыков, в частности, обращает внимание на то, что важнейшими приёмами создания образа России у Лезюра стали утрирование негативных мелочей, использование фальсифицированных документов, объяснение достоинств русских их недостатками (отваги солдата его положением раба, гостеприимства русских их гордостью, мощи государства психологической ригидностью и глубинным экспансионизмом русского народа и т. д.).

два тома книги «Санкт-Петербург и Россия в 1829 году». На обложке стояло имя автора Ж.-В. Мея, однако кто именно скрывался под этим псевдонимом – неизвестно. Можно только говорить о том, что автор действительно побывал в России, что он был республиканцем, антимонархистом и позиционировал себя как борец за свободу.

Первый том сочинения **Жан-Батиста Мея**, наверное, одна из самых критических книг о России, изданных во Франции до прихода к власти Луи-Филиппа. Уже в предисловии автор даёт резко негативную оценку международного положения России и русских, к которому приковано внимание всего мира: «их боятся в то время, когда ими следует управлять» [18, р. II]. «Если бы европейская политика, более откровенная, более благородная, вдохновлялась духом всеобщего блага, то эта нация, сила которой ужасает каждое государство в отдельности, находилась бы под надзором всех; она была бы вынуждена изменить свои институты, свои нравы, прежде чем объявить себя равной цивилизованным империям» [18, р. II].

В двадцати шести главах первого тома презрительно характеризуются разные стороны общественной и государственной жизни русского народа, религия, образование, искусство, менталитет и внешность русских людей. Особый акцент Мей делает на личности императора, в красках описывая зверства деспотизма, обуславливающие ментальность деградировавшего при такой системе власти русского человека: «Одной из самых обширных территорий земного шара правит человек, который считает себя её единственным хозяином, а масса живущих там людей, без души, без мужества, достаточно презренны, чтобы обожать эту узурпацию! ... они убеждены, что Бог заставил их родиться рабами; они преклоняются перед самозванцами и не сомневаются в законности их привилегий ... Несчастные существа, подчиняющиеся подобным законам, не могут поэтому называться людьми» [18, р. III–IV]. По мнению Мея, Россию населяют горстка дворян, которые считают себя людьми, и «пятьдесят четыре миллиона скотов с человеческими лицами, которых продают, раздают, обменивают и секут, как лошадь или быка» [18, р. II]. Мей рисует картину порочной общественной системы России: русские люди – невежественные варвары и рабы власти, чиновники продажны, завистливы и неспособны к управлению, торговцы хитры и лживы, армия слабая и дезорганизованная, солдаты столь мужественны перед лицом смерти только потому, что их жизнь так наполнена страданиями, что не стоит того, чтобы за неё бороться; женщины уродливы и порочны, а русская баня – это вообще «вместилище позора» и разврата.

Книга Мея была издана до событий Июльской революции во Франции и Польского восстания 1830 г. Мотивом для написания этого политического памфлета, очевидно, стал страх французов перед российским «колосом», усилившимся после успешной для России Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В этот период образ России как «колосса» получил особенно

широкое распространение, а тема российского экспансионизма стала доминирующей в политической литературе. Главной целью книги Мей провозгласил борьбу с произволом во имя свободы – на деле же его задачами было внушить французскому обществу снисходительное презрение к России («Мы надолго сохраним наше огромное превосходство над этими так называемыми северными французами, которые умеют подражать нам только в наших нелепостях» [15, р. 58]), максимально уронить престиж России как мощной державы, пророча ей скорую революцию («Обычно мы боимся военной мощи России, не считаясь с тем, что весь этот грохот – не что иное, как образ колосса на глиняных ногах, готовый низвергнуть себя, будучи сокрушённым своей массой и дезорганизацией» [15, р. 155]); а также успокоить французскую общественность («Европе нечего опасаться России, интересы которой, скорее, направлены на Восток» [14, р. 145]).

ВСПЛЕСК ВТОРОЙ

Нужно отметить, что большая часть русофобских текстов – это не научные труды, а политические памфлеты. Эти сочинения диффамационного характера апеллировали не к разуму, а к эмоциям, и преследовали вполне определённую цель – очернить Россию и русских, представить страну агрессором, а её народ – бескультурными и бесталанными варварами, которых европейцам нужно опасаться. Дело Лезюра, Мей и других в этом отношении продолжил **Фредерик Лакруа** (1811–1864), путешественник, историк, издатель. Лакруа никогда не был в России, но в 1845 г. издал книгу «Тайны России. Политическая и нравственная картина Российской империи», которую позиционировал как научное историческое издание: «в высшей степени серьёзная книга», «совершенно беспристрастная», составленная «только из материалов, собранных в самой стране» и т. п. Лакруа, разумеется, заявляет, что никто до него не изучал предмет столь тщательно и глубоко, поскольку в его распоряжении имеются особые секретные источники, ранее неизвестные документы, а также уникальная рукопись одного человека, долгое время жившего в России, имя которого не может быть раскрыто публично. В действительности работа Лакруа – типичный политический памфлет, полный резко негативных оценок, стереотипов, клише и откровенных фальсификаций [9, с. 233 и след.].

Книга разделена на тринадцать глав, в которых Лакруа берётся судить обо всём – о российской политической системе, экономике, социальных отношениях, народной психологии, военной силе и т. д. Он пытается представить «зарисовки» максимального количества разнообразных сюжетов российской истории и действительности: императора и его семьи, тайных обществ и восстания декабристов, характера русского народа, нравов и обычаев петербургской знати, положения церкви и отношения к религии, систе-

мы государственного управления, полиции, права и тюремной системы, состояния армии и т. д. Главная «тайна» России раскрывается Лакруа сразу же в первой главе, названной «Деспотизм». Абсолютная и единоличная власть, находящаяся в руках жестоких и деспотичных правителей, определяет всю жизнь и историю России. «В России ничто не сдерживает государя. Воля императора – высший закон ... Более того, он глава религии, посланник Бога на Земле, почти сам Бог. Всё существует только через него и для него. Он может создавать и разрушать всё» [19, р. 4]. В основании государственного устройства России нет ни права, ни традиций, ни морального авторитета, всё держится только на силе, принуждении и страхе, отсюда все остальные негативные характеристики русского народа и даже климата (!) в России. Русский мужик – невежественный, тупой, покорный азиатский раб, который способен чему-то научиться только из-под палки и который настолько привык к постоянным унижениям и наказаниям, что они идут ему на пользу. Аристократия в России развращённая, распущенная и порочная, варварская сущность которой прикрыта тонкой вуалью воспринятой у Европы цивилизованности. Самые нелестные характеристики у Лакруа получает всё и вся, связанное с Россией.

Примечательно, что Лакруа по отношению к русским людям употребляет термин «московиты»; между тем, во Франции словами «Московия» и «московит» обычно обозначали территорию и народ России допетровского времени, и уже в XVIII в. всё чаще употреблялись слова «Россия» и «русский». Историко-лингвистический анализ словоупотребления, проведённый Р. Десне, свидетельствует, что понятие «московит» в политической лексике обозначает грубость и варварство, т. е. московит – «это некультурный, необразованный русский, а русский – это просвещённый московит» [3, с. 61–62, 64]. Использование Лакруа в середине XIX в., а затем и многими другими русофобствующими авторами (Духинским, Фальмерайером, Марксом, Рорбахом и др.) термина «московиты» было неслучайным, таким образом они пренебрежительно подчёркивали якобы варварский и дикий характер русского народа.

Традиционные задачи антироссийской публицистики – внушить общественному мнению в отношении России чувства презрения и страха, вполне чётко артикулирует в заключении книги сам Лакруа, делая даже больший акцент на чувстве презрения и подчёркивая бессилие и видимость мощи «врага»: «После прочтения нас будет признано, что эта держава, столь влиятельная и грозная издавна, не имеет ничего из того, что составляет действительно сильные и респектабельные империи. Изучите Россию, как мы только что сделали, в её общественных и политических учреждениях, в её законодательстве, в её нравах, в составе её правительства и её государственной администрации, в её национальном богатстве, в её армии, в её флоте – и вы останетесь убеждёнными, что это великое проявление силы, молодости и

ресурсов, которое пугает иностранные народы, не имеет под собой никакого основания. Мы не надеемся, что полностью развеяли заблуждение, превратившее Россию в страшилку; но мы будем считать, что нам повезло, что своими разоблачениями мы уменьшили этот престиж, о котором мы только что говорили» [19, р. 472]. Книга Лакруа, позиционированная автором как научное сочинение, – яркий пример компиляции русофобских лозунгов, образов, стереотипов и шаблонов.

ВСПЛЕСК ТРЕТИЙ

Подавление Польского восстания 1830–1831 гг., негативное отношение императорского двора к революционным событиям в Европе 1830, 1848–1849 гг., интервенция русской армии в 1849 г. в Венгрию, очередное обострение Восточного вопроса привели к тому, что в Российской империи стала формироваться государственная идеология, объясняющая особый исторический путь страны и наличие национальных интересов государства, приобретшего к этому времени статус гегемона европейской политики [6, с. 10–59]. В этой обстановке снижение политического «веса» и авторитета России в глазах европейского общественного мнения стало стратегической задачей политики европейских держав. В 1853 г. Османская империя объявила Российской империи войну; к османам в 1854 г. присоединились Британская и Французская империи, а в 1855 г. – Сардинское королевство.

В разгар Крымской войны, в 1854 г., внук участника двух французских революций и войны за независимость США Ж. Лафайета, близкий друг А. Токвиля, с которым посетил США в 1831 г., публицист, политик, дипломат **Гюстав де Бомон** (1802–1866) опубликовал статью под названием «Россия и США с экономической точки зрения» (1854). Она вышла в самом авторитетном литературно-общественном издании Франции – «Обозрение двух миров» («Revue des deux mondes»). На написание работы его вдохновил Токвиль, который в 1853 г. в письмах к Бомону обратил его внимание на книгу барона А. фон Гакстхаузена «Исследования о внутреннем положении, национальной жизни и сельских учреждениях России» (1847–1853) и описал свои впечатления от изображённой там России: «всё так идеально единообразно в идеях, законах, обычаях и вплоть до мельчайших деталей внешнего вида предметов. Это производит на меня впечатление Америки без просвещения и свободы, демократического общества, которого нужно бояться» [20, р. 237]. Токвиль считал, что «в Америке в основе деятельности лежит свобода, в России – рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение тайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» [10, с. 296].

Задуманная как рецензия на работу немецкого экономиста, статья в итоге представила самостоятельную позицию Бомона в отношении главной темы – сравнения России и США в области причин, целей и последствий их

территориальной экспансии. Бомон обвиняет Гакстаузена в предвзятости по отношению к России, между тем собственный сравнительный анализ он, вслед за Токвилем, выстраивает вокруг антитезы свободы и рабства как сути социально-экономических и государственных отношений в США и России.

В России, утверждает Бомон, есть «нация, значительная по численности и могущественная по вооружению, но нет богатого и процветающего народа», а «все институты, в соответствии с климатом, существуют для деспотизма и рабства» [13, р. 1167]. Вообще, не заботясь об исторической точности, путая даты и документы, Бомон изображает Россию варварской страной, «где личность исчезает в беспорядочной массе, где официальная жизнь заменяет естественное существование народов, где регулирование занимает место гениальности, симметрия – место порядка, послушание – место мысли, где всё страдает и молчит, потому что всё дрожит, где всё трепещет, где сама боль однообразна, потому что она всеобща, и что испытывающие её – суть безымянные атомы, где, наконец, царит равенство, равенство общего убожества» [13, р. 1173–1174]. Эта варварская Россия пугает Бомона. Более всего его страшит общинный коммунизм русской крестьянской общины, в которой земля периодически перераспределяется и принадлежит всем сразу, но никому в частности, в обществе существует круговая порука, а труд имеет коллективный характер. Русский мужик в своей деревне представляется ему... солдатом в казарме. Этому коммунизму Бомон противопоставляет универсальные либеральные принципы свободы («которая является сущностью человека») и собственности («которая является выражением его потребностей»). Лишение этих двух благ жителей России делает их глубоко несчастными и ввергает «во все пороки, обычные спутники нищеты и разврата». Панацея – промышленное развитие, из которого «рождаются две вещи: собственность, созданная трудом, и средний класс, наделённый этой собственностью, то есть класс, который одновременно умен и трудолюбив» [13, р. 1183].

Находя параллели в историческом развитии двух стран, в близости климатических условий, в плодородии почв, в масштабе и динамике колониционных процессов, Бомон подчёркивает качественное различие протекавших в них процессов. Если в США, по его мнению, ключевую роль в освоении новых территорий играла частная инициатива, а колонизация носила принципиально мирный характер, то в России она осуществлялась насильственным и приводила к закреплению населения покоряемых территорий [13, р. 1166–1169].

Вывод статьи Бомона банален и не выходит за рамки русофобской парадигмы. Он указывает на очевидную опасность Российской империи для европейской цивилизации. Однако в этой статье появляется новый мотив – мотив восхваления преимуществ либеральной экономики и ценностей американской демократии, на которые нужно ориентироваться всем.

После заключения невыгодного России Парижского трактата (1856), который подвёл итоги Крымской войны, антирусские настроения в европейском обществе получили ещё большее распространение. Об этом свидетельствует, например, крайне русофобская работа историка, публициста и политического деятеля **Анри Мартена** (1810–1883) «Россия и Европа» (1866). Это произведение было написано под влиянием творчества польского эмигранта Ф. Духинского. Духинский, будучи вице-президентом парижского этнографического общества, разработал собственную версию происхождения русского народа, так называемую туранскую теорию. Провозглашая идею расовой иерархии, он характеризует русский народ («москвитов») как варварский и склонный к деспотизму, по своему происхождению являющийся туранским, а не славянским или «арийским». А. И. Герцен, ознакомившись с этим сочинением о русском «варварстве» и о необходимости «защиты» Европы от распространения на запад «туранской расы», иронично назвал его «Генриадой»⁵. Ирония Герцена по поводу эпохальности мартеновского труда была правомерной. Развивая идеи Духинского, в своей работе Мартен приводит множество исторических «фактов», которые должны были, по его мнению, подтвердить неевропейское происхождение русских и неизбежное противостояние двух рас – арийской и туранской. Главной мыслью книги Мартена стал тезис о том, что Россия и Европа неминуемо столкнутся, нашествие москвитов состоится непременно и грозит непосредственной гибелью Европы. Единственным способом избежать такого столкновения Мартен считал объединение европейских стран против их главного врага – России, создание некоей общеевропейской федерации. Однако «европейские народы ещё слабо отдают себе отчёт в том, что главной целью создания подобной федерации независимых европейских народов станет их совместная борьба против России» [17, р. II]. В этой связи Мартен акцентирует принципиальное отличие России и русских от остального цивилизованного мира: «Москвит совершенно отличается по духу от славянина и европейца. Основные его качества – все отрицательные: отсутствие индивидуальности, всесторонней развитости, изобретательности и непременно порождаемой ей способности к самосовершенствованию, что сочетается с необычайной покорностью и умением с большой легкостью подражать другим. У москвитов совершенно нет никакой расположенности к созданию свободных сообществ, если только речь не идёт о религиозном сектантстве. У них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола, особенно со стороны

⁵ «Поговорим-ка лучше о нашем туранизме – это посвежей, и в этом больше поэзии; Анри Мартен создал из этого «Генриаду», эпопею грядущего, почти турецкий крестовый поход» (Герцен А. И. *Communisme russe / Русский коммунизм* // Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 20. Произведения 1867–1869 годов. Дневниковые записи. Кн. 1: Публицистические и художественные произведения 1867–1868 годов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 127). Герцен обыгрывает слова Henri Martin и «Henriade».

верховой власти, оппозиция которой считается в некотором роде кощунством. Московиты не знают прав человека, у них наличествует влечение к самовластью и фанатичное преклонение перед грубой силой» [17, р. 100]. В рамках расистской, по сути, логики, Мартен утверждает, что единственной политикой по отношению к России может быть только война до полного её поражения: «Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет. Любая война между самими европейцами есть гражданская война. Война же с московитами – это битва с внешним врагом, битва за существование» [17, р. 106].

Однако, вопреки мартеновскому кликушеству, политическая конъюнктура в Европе привела к тому, что в 1870–1871 гг. разгорелась франко-пруская война, а не обещанное Мартеном столкновение России и Европы. Потерпевшая поражение французская сторона стала оценивать Россию уже как возможного союзника, и в итоге «просвещённая и цивилизованная» Франция заключила союз с «варварской и нецивилизованной» Россией (1891–1917).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно утверждать, что на протяжении почти всего XIX в. во французском общественном мнении настойчиво утверждался крайне негативный образ России. Этот процесс был характерен для большинства европейских государств того периода, но, как верно заметил современный исследователь Г. Меттан, именно Франция сыграла ключевую роль в формировании мировой русофобской линии, поскольку как раз благодаря политическим памфлетам французских авторов были сформулированы и красочно обоснованы два концепта, лежащие в основании всякой русофобской идеологии: «миф об экспансионизме и миф об азиатском деспотизме» [5, с. 180].

Негативное восприятие всего, что было связано с Россией, базировалось на двух чувствах, последовательно вызываемых во французском обществе в соответствии с логикой политического и экономического противостояния – на чувствах страха и презрения. Обоснование сугубо захватнической внешней политики Руси-России, единственным смыслом существования и развития которой является бесконечная экспансия и чьей неминуемой и очень скорой жертвой должна была пасть Европа, естественно, вызывало страх. Ссылки на секретные сведения и фальшивые документы ("Завещание Петра Великого" и т. п.), многочисленные примеры из истории России, истолкованные самым мрачным образом, указания на деспотический характер русской власти вне зависимости от конкретного правителя и т. д. – всё это служило обоснованию главного тезиса о реальной и близкой «опасности», исходящей от России для всего остального мира. Чувство презрения же должно было служить «противоядием» для тех европейцев, кто был способен впечатлитель-

ся невиданным прогрессом развития российского общества и успехами России на международной арене. Необходимость подорвать политический престиж Российского государства, поставить под сомнение самобытность и ценность русской цивилизации находила отражение в идее о варварстве русских, их патологической жестокости, врожденном «рабстве», отсутствии у них культуры и принципиальной неспособности русского народа к полноценному прогрессу в европейском варианте (в том числе и в силу принятия им восточного варианта христианства).

По словам немецкого исследователя Д. Гро, весь XIX в. на Западе шла «идеологическая борьба против России под девизом борьбы с деспотией, развития против стагнации, культуры с варварством» [8, с. 349]. Образ России как «людоеда XIX в.»⁶, по меткому выражению Ф. И. Тютчева, очень хорошо резонировал с прагматичной политикой Франции и других европейских стран, не желавших считаться с интересами и усиливавшимися позициями России в международных делах, а значит, сознательно поддерживался их политическими элитами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
2. Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института, том 2. М.: Историко-архивный институт, 1946. С. 202–270.
3. Десне Р. Московия, Россия, московиты, россияне и русские в текстах Вольтера // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. М.: Наследие, 1999. С. 58–66.
4. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. 212 с.
5. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война / пер. с фр. М. Аннинской, С. Булгаковой. М.: Паулсен, 2016. 462 с.
6. Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А. В поисках русского пути // Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / под ред. С. В. Перевезенцева, А. А. Ширинянца. М.: ООО «Паблис», 2016. С. 10–60.
7. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 211–217.
8. Славяно-германские исследования. Т. 1, 2 / отв. ред. А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг. М.: Индрик, 2000. 656 с.
9. Таньшина Н. П. Русофилы и русофобы: включения французов в николаевской России. СПб.: Евразия, 2020. 352 с.
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. 559 с.

⁶ Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б. Н. Тарасова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 38.

11. Трыков В. П. Образ России в книге Шарля-Луи Лезюра «Об усилении русской мощи» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 230–242.
12. Ширинянец А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.10.2022).
13. Beaumont G. de. La Russie et les États-Unis sous le rapport économique // Revue des deux mondes. XXIV année. Seconde serie de la nouvelle periode. T. 5. 15 mars 1854. P. 97–118.
14. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: M. Didier, 1967. 491 p.
15. Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Par M. L. ***. Paris: Fantin, 1812. 514 p.
16. Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I-II. 2e édition. Paris: Ladvocat, 1836. Vol. I – 388 p.; Vol. II – 400 p.
17. Martin H. La Russie et l'Europe. Paris: Furne, Jouvet et Cie; Libraires-éditeurs, 1866. 431 p.
18. May J.-B. Sante-Petersbourg et la Russie en 1829. T. 1. Paris: Levasseur, 1830. 403 p.
19. Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. Par M. Frederic Lacroix. Paris: Pagnerre; Editeur, 1845. 472 p.
20. Oeuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville. Publiées et précédées d'une notice par G. de Beaumont. Tom second. Paris: Michel Lévy Frères; Libraires-éditeurs, 1861. 499 p.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. *Vremya petrovskikh reform* [Time of Peter's reforms]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 496 p.
2. Danilova E. N. ["Testament" of Peter the Great]. In: *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta, tom 2* [Proceedings of the Historical and Archival Institute, volume 2]. Moscow, Istoriko-arkhivnyi institute Publ., 1946, pp. 202–270.
3. Desne R. [Muscovy, Russia, Muscovites, Russians and Russians in the texts of Voltaire]. In: Mikhailov A. D., Stroeve A. F., eds. *Volter i Rossiya* [Voltaire and Russia]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 58–66.
4. Mesin S. A. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French authors of the 18th century about Peter I]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo universiteta Publ., 2003. 212 p.).
5. Mettan G. Russie-occident. Une guerre de mille ans (Rus. ed.: Anninskaya M., Bulgakova S., transl. *Zapad – Rossiya: tisyacheletnyaya voina*. Moscow, Paulsen Publ., 2016. 462 p.).
6. Perevezentsev S. V., Shiriyants A. A. [In search of the Russian way]. In: Perevezentsev S. V., Shirinyants A. A., eds. *Khraniteli Rossii. Antologiya. T. 4. V poiskakh russkogo puti. 1800–1850 gg.* [Guardians of Russia. Anthology. Vol. 4. In search of the Russian way. 1800–1850]. Moscow, OOO «Publis» Publ., 2016, pp. 10–60.

7. Shutov A. Yu., Shirinyants A. A., eds. *Russkii vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya* [The Russian question in the history of politics and thought. Anthology]. Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta Publ., 2013, pp. 211–217.
8. Gugin A. A., Tsimmerling A. V., eds. *Slavyano-germanskije issledovaniya. T. 1, 2* [Slavo-Germanic studies. Vol. 1, 2]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 656 p.
9. Tanshina N. P. *Rusofily i rusofoby: prikluyeniya frantsuzov v nikolaevskoi Rossii* [Russophiles and Russophobes: the adventures of the French in Nikolaev Russia]. St. Petersburg, 2020. 352 p.
10. Tocqueville A. de. De la democratie en Amerique (Rus. ed.: *Demokratiya v Amerike*). Moscow, Progress Publ., 1992. 559 p.).
11. Trykov V. P. [Image of Russia in the book of Charles-Louis Lesur "On strengthening the Russian power"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 2, pp. 230–242.
12. Shirinyants A. A., Sorokopudova O. E. ["The Russian Question": French Russophobia in the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.10.2022).
13. Beaumont G. de. La Russie et les États-Unis sous le rapport économique. In: *Revue des deux mondes. XXIV année. Seconde serie de la nouvelle periode. T. 5. 15 mars 1854*, pp. 97–118.
14. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, M. Didier, 1967. 491 p.
15. Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Par M. L. ***. Paris, Fantin, 1812. 514 p.
16. Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I-II. 2e édition. Paris, Ladvocat, 1836. Vol. I – 388 p.; Vol. II – 400 p.
17. Martin H. La Russie et l'Europe. Paris, Furne, Jouvett et Cie; Libraires-éditeurs, 1866. 431 p.
18. May J.-B. Sante-Petersbourg et la Russie en 1829. T. 1. Paris, Levasseur, 1830. 403 p.
19. Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. Par M. Frederic Lacroix. Paris, Pagnerre; Editeur, 1845. 472 p.
20. Oeuvres et correspondance inédites d'Alexis de Tocqueville. Publiées et précédées d'une notice par G. de Beaumont. Tom second. Paris, Michel Lévy Frères; Libraires-éditeurs, 1861. 499 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.10.2022

Статья размещена на сайте: 18.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ширинянц Александр Андреевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений МГУ имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e-mail: jants@yandex.ru

Сорокопудова Ольга Евгеньевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: srkpdv@gmail.com

Alexandr A. Shirinyants – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Departmental Head, Department of History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: jants@yandex.ru

Olga E. Sorokopudova – Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Department of History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University; e-mail: srkpdv@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ширинянц А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке. (II) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shirinyants A. A., Sorokopudova O. E. "The Russian question": French Russophobia in the XIX century. (II). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru